

Научная статья

УДК 82-311.1

DOI 10.17223/18137083/83/14

Редукция ностальгии в сознании героев прозы русских младоэмигрантов

Иван Иванович Назаренко

Томский государственный университет
Томск, Россия

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Аннотация

Исследуются проявления ностальгии в наррации и сюжетных ситуациях героев прозы младоэмигрантов 1930-х – начала 1940-х гг. (Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен). Доказывается, что, несмотря на редукцию национально направленных ностальгических мифов и переживаний, в прозе младоэмигрантов усиливается экзистенциальная ностальгия – тоска по полноте существования и целостности бытия (М. Хайдеггер), осознание невозможности обретения нового Дома в бытии, где человек «заброшен» и неукоренен. Делается вывод, что в интерпретации ностальгии проза младоэмигрантов ближе не «старшему» поколению русской эмиграции, а западной эмигрантской прозе («Тропик Рака» Г. Миллера, «Триумфальная арка» Э. М. Ремарка).

Ключевые слова

проза младоэмигрантов, Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен, редукция ностальгии

Для цитирования

Назаренко И. И. Редукция ностальгии в сознании героев прозы русских младоэмигрантов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 180–193. DOI 10.17223/18137083/83/14

Nostalgia reduction in the consciousness of the Russian young emigrants' prose heroes

Ivan I. Nazarenko

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Abstract

This paper considers the manifestations of nostalgia in the narrative and plot scenes of the protagonists of Russian young emigrants' fiction of the 1930s – early 1940s. The focus is on the works of B. Poplavsky, G. Gazdanov, and J. Felzen. A reduction of nationally oriented

© Назаренко И. И., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 180–193
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 180–193

nostalgic myths and feelings can be seen in the prose of young emigrants. However, a strengthened existential nostalgia is evident: a longing for the fullness of existence and wholeness of being or awareness of the impossibility of finding a new Home in the reality where one is abandoned and unrooted. The national nostalgia reduction determines the national identity reduction. The internal crisis of the heroes under study proves to be an identity crisis, intensified by an existential crisis. Their situation in an alien world is an existential dead end amid total disorientation. The heroes' attempts to overcome existential nostalgia are different but equally fruitless: the entry into the "paradise of friends" and the Russian women's love ("Apollo Bezobrazov" and "Home from Heaven" of Poplavsky), the myth of the House and the understanding of one's past ("A Tale of One Travel" and "Night Roads" of Gazdanov), an appeal to the poet's work, bringing the feeling of fullness of being in Russia ("Letters about Lermontov" of Felzen). To conclude, when interpreting nostalgia (its reduction), we find the prose of young emigrants to be closer not to the "older" generation of Russian emigration but to the Western emigrant prose ("Tropic of Cancer" by Miller and "Triumphal Arch" by Remarque).

Keywords

prose of young emigrants, B. Poplavsky, G. Gazdanov, Yu. Felzen, reduction of nostalgia

For citation

Nazarenko I. I. Nostalgia reduction in the consciousness of the Russian young emigrants' prose heroes. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 180–193. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/14

Ностальгия (греч. *nostos* 'возвращение домой', *algos* 'боль, страдание') – тоска по прошлому, пережитому, утраченному или никогда не существовавшему. Изначально ностальгия считалась душевной болезнью воевавших вдали от дома наёмных солдат (медицинский термин ввел швейцарский врач И. Хофер). Появление ностальгии связано с ломкой традиционной культуры у некоевых народов. В социальных катаклизмах XX в. феномен ностальгии приобрел особую значимость. Понимание ностальгии стало связываться с национальным (или культурным) сознанием. С одной стороны, философия жизни и психоаналитическая философия (Ф. Ницше, А. Бергсон, К. Юнг) уводят сознание личности от национального к архаическому, универсальному. С другой стороны, философия экзистенциализма выводит сознание личности к бытийному (М. Хайдеггер «Бытие и время», Ж.-П. Сартр «Бытие и ничто»), к тоске по миру как целому и подлинному (для Хайдеггера философия и метафизика – это и есть ностальгия: «стремление быть повсюду дома» [2013, с. 30]). По Хайдеггеру, человек обречен на утрату и постоянный поиск целого.

Экзистенциалисты указывают на значимость прошлого для самоопределения личности в *тут-бытии* (по Хайдеггеру). Для Хайдеггера опыт прошлого ценен для самоопределения *здесь и сейчас*, погружение в прошлое или стремление его повторить в настоящем – свидетельство отказа от самоопределения и проектирования себя в будущем. Экзистенциальное прошлое есть не прошедшее, но бывшее, определяющее как настоящее, так и будущее: «Присутствие "есть" свое прошлое по способу своего бытия, которое, говоря вчерне, всякий раз "сбывается" из его будущего» [Хайдеггер, 1997, с. 36]. Ностальгия не чувство или опыт, но экзистенциальное (онтологическое) расположение – «экзистенциальный способ быть, в каком присутствие предоставляет себя "миру", дает ему себя затронуть» [Там же, с. 139]. Самоопределение «не приходит ни "извне" ни "изнутри", но вырастает как способ бытия-в-мире из него самого» [Там же, с. 136] – (так интерпретирует Хайдеггера И. В. Дёмин [2012, с. 16–25]). Сартр воспринимает прошлое

как груз, который неотменим и неизменим. В «бытии-для-себя» (проекте себя) личность всякий раз отрицает свое прошлое, оно недостижимо и не может ничего дать человеку в тут-бытии, но с этим опытом личность существует и несет ответственность за настоящее [Сартр, 2000, с. 147].

Отталкиваясь от Хайдеггера, современные исследователи акцентируют в ностальгии тоску «по конечному, всегда ограниченному миру, где возможны сосредоточенность и уединенность, по миру, в котором господствует близость» [Иванов, 2007], ностальгия «становится обнаружением порядка в неупорядоченном и неустойчивом (хаотичном) бытии и означает переживание существования как упорядоченного, что и позволяет существующему “находиться” дома» [Суханов, 2011, с. 18]. Ностальгия связывается с самоидентификацией как экзистенциальным самоопределением, она «присутствует на периферии ценностной системы <...> и становится центром в постоянно возникающие моменты <...> переживания неполноты существования, т. е. утраты / обретения идентичности как самоидентификации» [Там же, с. 18–19]. В. А. Суханов выделяет два типа ностальгирования: 1) «наличие личного экзистенциального опыта переживания»; 2) опыт, «опосредованный <...> через миф» [Там же, с. 22].

Социологическое понимание национальной ностальгии – выстраивание мифа об утраченном родном мире [Чикишева, 2009; Бойм, 2013]. Ностальгический миф строится с опорой на отсутствующее (утраченное) в реальной жизни, идеализированное утраченное становится объектом тоски. Ностальгия обращена «к иным пространствам и иным временам», с целью защиты в «переходные периоды истории» «ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем» [Бойм, 2013]. С. Бойм выделяет два ностальгических сюжета в культуре: реставрирующий (восстановление мифического Дома прошлого для будущего нации) и рефлексивный / иронический (рефлексия тоски). Рефлексивная ностальгия – это «всматривание» в прошлое при трагико-ироническом отношении к нему – осознании невозможности воссоздания утраченного Дома и его неидеальности, что способствует выстраиванию нового будущего [Там же].

Ностальгия – одно из ключевых состояний в эмигрантском сознании первой половины XX в., близкое к экзистенциальному осознанию «заброшенности», более широкому понятию, нежели положение в иной социальной среде. Утрата исконной и вхождение в чужую инонациональную среду катализирует кризис идентичности эмигранта. Ностальгия в жизни эмигранта может играть как позитивную, так и негативную роль, способствуя преодолению кризиса идентичности (когда образ себя прежнего важен для восстановления идентичности) или, напротив, усиливая его (когда этот образ отвергается).

Ю. В. Бабичева указывает на различие интерпретации ностальгии в литературе «старшего» и «младшего» поколений русской эмиграции (на примере «Ночных дорог» Г. Газданова). «Старших» ностальгия заставляла воссоздавать в творчестве «светлый миф о былой России» [Бабичева, 2002]. Назовем в подтверждение слов исследователя «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» И. Бунина, «Лето Господне» и «Няню из Москвы» И. Шмелева, «Машеньку» и «Дар» В. Набокова, близкого к «старшим». «Младшие», у которых «не было в памяти сложившегося образа страны», испытывали метафизическую тоску «рано повзрослевшего человека по не случившемуся светлому раю детства» [Там же].

Проявление ностальгии как элемента авторской картины мира в литературе «старшего» поколения русской эмиграции исследовано исчерпывающе (см. работы последних лет [Никулина, 2017; Войтехович, 2019]), в отличие от литературы

младоземigrants. Мы обращаемся к проявлениям ностальгии в наррации и сюжетах прозы Б. Поплавского, Г. Газданова и Ю. Фельзена (фрагментарно и В. Яновского) 1930-х – начала 1940-х гг. Выявление наличия / отсутствия ностальгии персонажей приблизит к определению авторских концепций ностальгии. На наш взгляд, модальность ностальгии в прозе писателей-младоземigrants проявляется в редукции национально направленных ностальгических состояний персонажей и в усилении переживания ими экзистенциальной заброшенности, тоски по целому и подлинному (хайдеггеровское понимание ностальгии).

Как заметила Ю. В. Бабичева [2002], в отличие от «старших», воспринимавших свою ностальгию «благодатным стимулом творческой энергии», младоземigrants считали ностальгию по России душевной болезнью и стремились её преодолеть. В центре прозы Поплавского, Газданова, Фельзена и Яновского – молодой или средних лет одинокий русский эмигрант (эмигрантка) со *спутанной* национальной и личностной идентичностью по причине выброшенности из исконной культуры в юном возрасте. Внутренняя коллизия героя прозы младоземigrants – кризис самоидентичности, усиленный экзистенциальным кризисом. Наррация в прозе младоземigrants за редкими исключениями («Вечер у Клэр» Газданова, 1929) строится не как история-воспоминание героя-эмигранта о пережитом в прошлом, в России, а как история о существовании за пределами национального мира в попытках преодолеть кризис и обрести новую идентичность. Центральные персонажи прозы младоземigrants, как правило, не имеют ни иллюзий о возвращении в Россию, ни ностальгического мифа, спасающего от тягостного настоящего.

Для многих персонажей второго ряда ностальгия по утраченной национальной реальности является своего рода ментальной границей, которую они не способны преодолеть, чтобы интегрироваться в чужой социум или существовать на границе культур, национальных миров. По наблюдению нарратора-персонажа романа Газданова «Ночные дороги» (1941), ностальгия уводит русских эмигрантов от реальности в воображение, заставляет глушить память алкоголем, толкает к разрушению действительной жизни (судьба Федорченко, усомнившегося в частных ценностях и погрузившегося в русскую тоску).

Дореволюционная Россия, идеализированная в сознании ностальгирующих персонажей второго ряда, осознаётся центральными персонажами-нарраторами как миф: «любовь мечтателей к прошлому, к прежней прекрасной жизни в прежней прекрасной России, <...> существовало, чаще всего, только в их воображении» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 171]), «другую естественную выдумку – о легкой жизни, об утраченной сладости, которых никто в свое время не ощущал» («Пробуждение», 1933 [Фельзен, 2012, т. 2, с. 9]). Несвободны от мифов и центральные персонажи: по причине отсутствия глубокой связи с гомогенным пространством образ родного мира основан не столько на личном опыте, сколько на культурных мифах, помогающих определить смысл национальной катастрофы и своё положение в ней (герои Фельзена, Поплавского, Яновского). Так, в сознании Васеньки («Аполлон Безобразов» Поплавского) «эмиграция – Ноев ковчег»: «Малый свет под кроватью, а на кровати Грушенька наслаждается со Смердяковым. Слышны скрипы, эмиграция молится под кроватью» [Поплавский, 2009, с. 72]. Аллюзии к «Братьям Карамазовым» Достоевского прозрачны: Грушенька – «предавшаяся» разврату, предавшая и выбросившая эмигрантов Россия, Смердяков – собирательный образ большевиков, «завладевших» страной, судьба эмиграции – скрыться, беспомощно ждать «удовлетворения» большевиков,

уповая на высшие силы. Близкий образ блудящей, предавшей и безжалостной к своим «детям» России создается в сознании Шелехова, центрального персонажа романа Яновского «Мир» (1931): «Русь. Мать. Мачеха. Многомужняя жена. Рыдающая причастница. Пляшущая вдова. О, сколько, сколько раз тебе еще складывать окоченевшие трупы твоих детей в штабели дров!» [Яновский, 1931, с. 214].

Мифы исконной культуры, воспринимаемые героями младоэмигрантов иронически, помогают принять европейскую реальность, освоить которую невозможно по причине чуждости. Во вставной главе «Бал» романа Поплавского «Аполлон Безобразов» создается образ «парижской России» как «осколка» родного мира за его пределами: «Шуми, мотор, крути, Гаврила, по Достоевскому проспекту на Толстовскую площадь» [Поплавский, 2009, с. 73]. Мифы Толстого и Достоевского дают приобщиться к исконной культуре вне родного мира, но не дают полноты существования – сцена «бала» у Поплавского показывает игру в русский разгул, за которой следуют усталость и опустошение. Попытки повторения в настоящем утраченного прошлого проявляют отказ от самоопределения в настоящем.

Героям младоэмигрантов ближе не тоска по родине, не возможность восстанавливать идентичность с собой прежним, а тоска по целостности бытия в распавшемся мире без Дома, «зов бытия» и менее – миф о русском Доме.

Устойчивое состояние героев Поплавского, Газданова и Фельзена – метафизическая тоска как реакция на отчуждение от мира и от других: «моя нищета, моя унижительная тоска» («Аполлон Безобразов» [Поплавский, 2009, с. 172]), «страшная, сонная тоска гнетет сердце» («Домой с небес» [Там же, с. 290]), «та же тоска, то же сожаление о неизвестных вещах» («История одного путешествия» [Газданов, 2009, т. 1, с. 269]), «особенную, ни на что не похожую тоску, не исчезающую и не поддающуюся забвению», «с тем же ощущением беспричинной и непреодолимой тоски» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 211]); «тоска бесповоротности, безутешности, преувеличенно <...> распространяясь на целый мир, где я мучительно живу, где нельзя обольщаться и обманываться, где нет ни опоры, ни союзников, ни друзей» («Возвращение», 1934 [Фельзен, 2012, т. 2, с. 29]), «Отчего в такую погоду всегда так грустно и тоскливо? И чем прекраснее и совершеннее она, тем томительнее и сиротливее!» («Мир» [Яновский, 1931, с. 213]).

Полнота и подлинность существования не обретается в личных воспоминаниях о жизни в России, нет мифа о «рае» детства, характерного для «старших» и для Набокова, в «Даре» воссоздавшего миф о детстве как персональном «рае», уничтоженном катаклизмами социальной истории [Рубинс, 2017, с. 179]. У младоэмигрантов изображение детства «антиутопично» [Там же, с. 183]. Детский мир не защищен не только от катастрофической истории, но и от человеческих отношений. Разрушение юности социальными катаклизмами констатирует герой романа Яновского «Мир» Шелехов: «...у нас не было юности. С детских лет мы вошли в суровую эпоху. Нас вытянуло, как струны. Все соки выжало» [Яновский, 1931, с. 209]. У Поплавского память о детстве и юности в России редуцирована, прорывается лишь в оговорках. Фиксируется травматичность его отношений с деспотическими «полусумасшедшими родителями» [Поплавский, 2009, с. 358], избивавшими и угнетавшими (схожи обстоятельства детства Терезы, француженки с русскими корнями, объекта его любви и духовного ориентира, что подчеркивает кризис поколенческого мифа о «рае» детства, об идеальном прошлом). По-

Поплавский воссоздает образ «перевернутого» мира, где отношения с родителями мучительны для детей, а московская квартира воспринимается героем как «тюрьма». Утрату детского мира и личную эмиграцию героя сопровождает возможность выбросить из своей жизни семью и прошлое (смена имени Васеньки в «Аполлоне Безобразове» на Олега в «Домой с небес»).

Другой вариант – введение фрагментарных воспоминаний о детстве и юности героя («История одного путешествия» (1934) Газданова, «Любовь вторая» (1935) Яновского) или рассказов, примыкающих к романам об эмиграции и объясняющих становление личности героя («Пробуждение» (1933) и «Композиция» (1939) Фельзена). Восприятие детства и юности в таких воспоминаниях не ностальгическое, это время национальной катастрофы, распада семьи и Дома, той же нереализованности, что и в эмиграции (отсутствие любви, творческие неудачи героя Фельзена, отличие лишь в свежести первого опыта). Утраченная жизнь в исконном пространстве не идеализируется, не дает опоры в настоящем. Разрыв связи с «отцами» заставляет искать иные связи, которые могут восполнить отсутствие семьи и дать образец самоидентификации: старший брат, заменивший отца (Газданов «История одного путешествия»), авторитетный приятель-учитель и «рай друзей» (Поплавский «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес»), «любовно-дружеский союз» (цикл Фельзена «Повторение пройденного»), «роман с Богом» (Поплавский «Аполлон Безобразов», Яновский «Любовь вторая»). Такие отношения, как правило, имитационны, не заменяют утраченное.

В поиске любви у героев прозы младоэмигрантов проявляется не ностальгия, но следование национальным стереотипам (поиск женщины-жены, матери) и та же тоска по полноте существования. Выбор объектов любви не обусловлен национальной идентичностью женщины (Леля у Фельзена следует образцу европейской свободной женщины). Национальное у героев младоэмигрантов проявляется в идеале метафизической любви: не в эроте, как, например, у героя романа Г. Миллера «Тропик Рака» (1934), а в духовном родстве (француженка Тереза выделена Васенькой не за русские корни, а за метафизические интенции; герой Фельзена пытается воспринимать отношения с неверной Лелей как «любовно-дружеский союз»). Социальная неустроенность определяет и типично «русскую» ситуацию мужчины «на randevu»: скованность в проявлении чувства, неготовность взять ответственность за женщину. Отношения с женщиной компенсируют бездомье и одиночество, но демифологизируют любовь, показывая невозможность духовного сближения с женщиной, обреченность на непонимание и разрыв: неизбежные и постоянные уходы женщины к другим (цикл Фельзена, «История одного путешествия» Газданова), недоступность женщины, в которой видится воплощение Вечной Женственности («Аполлон Безобразов» Поплавского), отказ от отношений в стремлении сохранить себя и свой образ жизни («Домой с небес» Поплавского). Соединение в браке – лишь попытка бежать от страха смерти и измученности саморефлексией («Мир» Яновского).

В «Аполлоне Безобразове» Поплавского ностальгия проявляется в наррации: это воспоминания Васеньки, центрального персонажа, выступающего нарратором, закрепленные в его фрагментарных записках (не дневнике). Однако объект ностальгии – не жизнь в России, а юность в Париже, в «раю друзей». Модальность восприятия прошлого ностальгическая: «То незабываемое время...» [Поплавский, 2009, с. 139]. «Рай друзей» распался, и повзрослевший Васенька-нарратор одинок, он реконструирует утраченное прошлое, когда не был счастлив, но был не одинок, и пытается понять его значение в собственной жизни. В пове-

ствуемой истории недавнего прошлого Васенька испытывает тоску по принадлежности к какой-либо человеческой общности, входит в «нищий рай друзей», который образовывается вокруг мистика и аскета Аполлона Безобразова. Это «духовные» эмигранты из реальности, русские и европейцы: Тихон Богомилов, Тереза, Аверозс. Их объединяет одиночество при устремленности к метафизическому, их индивидуальные мифы о Боге различны. Значимы не блуждания персонажей в поисках пристанища (не Дома: заброшенный дом в пригороде, квартирка Аверозса, замок у озера), а их духовные поиски вовне, а не в себе. Сюжет романа открывает неидеальность прошлого и дисгармоничность «рая друзей»: он разрушен не реальностью, а внутренним несовершенством людей, чьи субъективные мифы ограничены (любвиный четырехугольник «метафизиков», претендующих на свободу от «земных» отношений). В финале Васенька приближается к освобождению от прошлого и обретению новой идентичности, к соединению двух способов существования, увиденных в Аполлоне и Терезе: самостояния и упования на волю Бога, мускулинности и аскезы, созерцания и действия.

Во втором романе Поплавского, «Домой с небес», преобразившийся в Олега Васенька, создавший миф о своей богоизбранности, не отказывается от прошлого как бывшего, хотя и воспринимает его и себя прежнего критически. Ностальгия проявляется не в интенции к прошлому, а в притяжении к своему, русскому: женщины, эмигрантки Таня и Катя, выбраны не только как проводники на пути из метафизической реальности в эмпирическую, воплощающие разные проявления реальности (телесно-чувственную и прагматическую), но и как представительницы своего, русского мира, в которых будто бы обнаруживается подлинное в противоположность неподлинному существованию русских эмигрантов-мужчин (они, кроме Безобразова, безлики). Однако в попытках героя жить частной жизнью в эмпирическом потоке проявляется следование европейским стереотипам. Интенция «домой с небес» как возвращение из эмиграции в родной (национальный) мир не реализована, идея возвращения в Россию, внушенная возлюбленной, «советоманкой» Катей, сюжетно оценивается как наваждение, равно как и миф о построении Дома с Таней в Париже. Поплавский показывает, что национальный Дом разрушен, а новый Дом, собственный, возможен только в творчестве, в соединении земного и метафизического. Герой в финале приближается к экзистенциальному сознанию бытия к смерти и проектирует свое будущее писателя-мистика. Однако предчувствие грядущей мировой катастрофы (мировой войны) приводит к осознанию разрушаемости любого Дома, тотальной неукорененности человека, а значит, к непреодолимой тоске.

Ностальгирующим представлен герой Газданова в романах «История одного путешествия» и «Ночные дороги», хотя И. Н. Сухих подчеркивает, что ностальгия газдановского героя подобна «пушкинской хандре» и направлена не на детство, не на утраченную жизнь в России, а на прошлое в целом и не дает опоры в бесконечном «жизни-путешествии» [Сухих, 2003]. Позиция героя Газданова – «постоянный отъезд» [Там же], отстраненность от эмпирического потока мечтателя («История одного путешествия») или «наблюдателя» («Ночные дороги»). Невозможность обрести Дом в гетерогенном пространстве и невозможность возвращения в утраченный национальный Дом определяют новые поиски, новые «путешествия» («История одного путешествия»), заканчивающиеся экзистенциальным тупиком – блужданием по кругу «ночных дорог» чужого мира («Ночные дороги»). Рациональное сознание героя разрушает ностальгические мифы других (второстепенных персонажей), но не собственный, сокровенный, к которому он воз-

вращается, чтобы найти силы для существования в настоящем. Газдановские герои (Володя Рогачев, безымянный таксист) – носители нормы, нравственности, здравого смысла, утраченных в современной релятивной реальности, и главным ностальгическим образом, воплощающим тоску по подлинному бытию, в их сознании является Дом – воображаемый: «Хорошо было бы остановиться – однажды, на берегу светлой реки, в небольшом доме: белое здание, белый песок, белые придорожные камни, белое платье» («История одного путешествия» [Газданов, 2009, т. 1, с. 256]; или реальный, старый, дедовский (значит, по Газданову, поколение дедов, а не отцов, хранило бытийные законы): «старый дом, с одним и тем же крыльцом и той же входной дверью, теми же комнатами, той же мебелью, теми же полками библиотеки, деревьями» («Ночные дороги» [Газданов, 2009, т. 2, с. 152])).

С мифом о Доме связано представление о подчиненности природным циклам, о связи и преемственности поколений, об устойчивом укладе жизни, в котором хранится бытийный закон. Дом дал бы ценностный центр, превращающий скитание в путешествие, из которого можно вернуться, но невозможно обрести полноту существования в чужом Доме (родного брата в «Истории одного путешествия») и невозможно выйти из социального абсурда и устроить собственную жизнь («Ночные дороги»).

Центральный персонаж-нарратор романа «Ночные дороги», как и Васенька в «Аполлоне Безобразове», погружен в воспоминания не о жизни в России (хотя фрагментарно вводятся и они), а о недавнем парижском прошлом. Однако модальность восприятия прошлого иная, не ностальгическая: это не утраченный «рай», а «неутешительный и ненужный опыт» [Там же, с. 7], потребность которого для самоопределения в тут-бытии герой пытается открыть. Смысл прошлого обнаруживается лишь как утрата иллюзий о мире и человеке. «Я»-нарратор, отделенный от «я»-персонажа примерно трехлетней дистанцией, не осознаёт себя изменившимся ни внутренне, ни социально: он по-прежнему водитель ночного такси, хотя и отстранившийся от эмпирической реальности в письме-рефлексии. Возможно, быть ночным таксистом без надежды на будущее и наблюдать за реальностью, а не бежать от нее – и есть самоопределение и экзистенциальный выбор героя в настоящем.

В центре романов Фельзена коллизия любви одних и тех же персонажей, русских эмигрантов Володи Ф. и Лели Герд. Наррация проявляет интенцию нарратора-персонажа Володи к настоящему, а не прошлому: это не воспоминания, а дневник, записи, синхронные пребыванию в эмпирическом потоке («Обман», 1930), и письма к возлюбленной («Счастье» (1932) и «Письма о Лермонтове» (1935)). Спорно утверждение Е. Н. Проскуриной о том, что Володя заменяет утраченный рай родины утраченным раем «взаимной с Лелей Герд любви» [Проскурина, 2014, с. 285–287]: взаимоотношения персонажей изначально дисгармоничны, обманны («Обман»), обладание любимой оказывается иллюзией, оставляя лишь довольствование отблеском счастья («Счастье»). Нет ностальгии по оставленному национальному миру и в обращении героя Фельзена к творчеству Лермонтова («Письма о Лермонтове»). Лермонтовская Россия не видится идеальной, напротив, она близка современной эпохе «бездомья» и «безвременья». Творчество Лермонтова в детстве героя давало ощущение единства мира («и гимназические заботы, и праздничная, ласковая “она”, и лермонтовская грустная яркость, – что жизнь как-то едина или бывает вдохновляюще и выразимо единой» [Фельзен, 2012, т. 1, с. 210]), чего не дает искусство современных писателей (Блок, Пруст).

Обращение к творчеству Лермонтова в ином возрасте, в ситуации дезориентации можно объяснить не только потребностью в творческой самоидентификации, но и поиском полноты жизни брошенного возлюбленной и одинокого героя. Однако перечитывание Лермонтова не возвращает ощущение единства жизни, а приближает к открытию ранее не замеченных коллизий экзистенциального одиночества, что дает возможность герою возвысить себя, хотя и открывает собственную несостоятельность в сравнении с идеалом экзистенциального человека – Лермонтовым, мятущимся и ищущим полноты жизни. Ориентиром для героя Фельзена становится Пруст, существовавший в мире собственного сознания. Пруст выразил распад мира в сознании современного человека, не ностальгировавшего, но до-ображавшего полноту, собиравшего «утраченное время» в романе о самом себе. Герой Фельзена осознаёт прошлое «безнадежно похороненным» и не реконструируемым, в письме он закрепляет только «отблеск» воспоминаний, но не «жизненную их свежесть» («Пробуждение» [Фельзен, 2012, т. 2, с. 9]). В письме о настоящем он отказывается от самоопределения, приближаясь к экзистенциальному сознанию, но не обретая его. Любые «перемены» («Перемены», 1939) в судьбе героя сменяются «повторением» пройденных жизненных ситуаций («Повторение пройденного», 1938), он оказывается релятивным человеком, преодолев пограничную ситуацию (болезнь и операция в «Переменах»), уклоняется от экзистенциального существования.

Таким образом, при отсутствии (или ослабленности) ностальгических мифов об утраченной национальной реальности, дающих источник национальной и личностной самоидентификации, при невозможности возвращения в национальный Дом и невозможности ощущения мира как целого положение героев младоэмигрантов в чужом мире – экзистенциальный тупик в ситуации тотальной дезориентации: «мы заброшены, одни на земле» («Письма о Лермонтове» [Фельзен, 2012, т. 1, с. 207]), «в пустоте, без собственного облика, без опоры, вне жизни» («Пробуждение» [Фельзен, 2012, т. 2, с. 21]), «без роду, без имени, вне истории, одни на свете» («Домой с небес» [Поплавский, 2009, с. 412]), «Чувствуешь себя только сирым гостем на чужом празднике» («Мир» [Яновский, 1931, с. 213]); «каторжное одиночное заключение, которое и составляло мою жизнь» («Любовь вторая» [Яновский, 2014, с. 76]). В этом младоэмигранты – и метафизическая модернистская (Поплавский, Яновский), и реалистическая линия (Газданов, Фельзен) – приближаются к экзистенциальной картине мира и к исследованию экзистенциального, «голового» человека, существующего не столько в социальной среде, сколько в бытии.

Интерпретация ностальгии младоэмигрантами ближе не русской литературе «старших» эмигрантов, а западноевропейской и американской эмигрантской литературе (Г. Миллер, Э. М. Ремарк). Как замечает В. Б. Земсков, для эмигрантов из Центральной Европы, в том числе Германии, эмиграция была «перемещением из родного пространства в другое, но родственное, принадлежащее общей европейской цивилизационной традиции (например, Швейцария или США)» [Земсков, 2015, с. 288], а для американских эмигрантов встреча с «центром» Европы «означала смену творческих горизонтов, поиск истоков, новой ориентации <...> для построения собственного Дома» [Там же], т. е. ностальгия по утраченному национальному миру редуцирована.

Герой романа Ремарка «Триумфальная арка» (1945), немец Людвиг Фрезенбург, сбежавший из нацистской Германии и скрывающийся в Париже под именем Равик, близок к героям младоэмигрантов как выбросивший из памяти воспомина-

ния о жизни в родном национальном мире. Для персонажей романа Ремарка эмигрант Равик – человек без прошлого, хотя отсутствие воспоминаний можно объяснить нежеланием вспоминать страшное и безвозвратно утраченное, однако из сознания невозможно выбросить травматическое воспоминание о пребывании в гестапо. Редукция ностальгии в романе Ремарка объясняется не выброшенностью из исконной культуры в юном возрасте (Равик – человек средних лет), не принятием положения эмигранта, не имеющего права на собственное имя, а травматичностью воспоминаний: родина захвачена врагами, принадлежащими к той же крови и культуре, что и протагонист романа. Всё, что связывает Равика с прежней Германией, – воспоминания о любимой, но воспоминания заслоняются чувством вины за гибель Сибиллы, доведенной до самоубийства во время следствия в гестапо.

Ремарк показывает бездомность и неукорененность в любом социокультурном пространстве. Ни Франция в преддверии новой мировой катастрофы, ни Америка (где нет войны), которая притягивает эмигрантов, как «рай» (события романа Ремарка «Тени в раю»), не становятся для Равика Домом (он остаётся «тенью»). Невозможно и возвращение в национальный Дом после падения Третьего рейха, поскольку на немцах вина за преступления нацистов; вернуться можно лишь «в чужой мир, к безразличию, к скрытой ненависти и трусости» [Ремарк, 1989, с. 363].

По Миллеру, эмигрант – это добровольный изгнанник, не живущий жизнью, предложенной сообществом (родом, нацией), а самостоятельно ищущий свое ценностное пространство (Генри, герой романа «Тропик Рака», не нашедший место в США, отправляется в Париж как центр авангардного искусства). Тем не менее, герой Миллера, лично сформировавшийся в Америке, не свободен от национально направленной ностальгии, хотя она сводится к тоске по любимой, символизирующей Америку, – жене Моне, возвращение к которой невозможно, поскольку будет означать возвращение к прежнему образу жизни (утрату «я»).

Миллер показывает власть «крови» (не культуры) над человеком массы (американец Филмор возвращается из Парижа в США), но не над творцом собственной жизни, способным преодолеть национальную ностальгию и власть женщины (Генри). Преодоление ностальгии связано не с отказом от национальной идентичности, напротив, Генри к концу романа приближается к открытию своего американского самосознания, к осознанию того, о чем сам Миллер напишет после возвращения из эмиграции в эссе «Книги в моей жизни» (1952): Дом – это не конкретное пространство, а «условие, состояние души. <...> “быть дома” означает быть с Господом» [Миллер, 2001, с. 288] (в контексте романа – быть в центре живой реальности). Роднит героя Миллера с героями младоэмигрантов состояние метафизической тоски по целому, по подлинности бытия и связанности с универсумом: «Это в крови у нас – тоска по раю. Тоска по иррациональному. <...> Перерезают пуповину, дают шлепок по заднице, и – готово! – вы уже в этом мире, плывете по течению, корабль без руля» [Миллер, 2020, с. 288]. Образом, воплощающим единство человека с миром (до рождения и отпадения от целого), в романе Миллера является женское лоно. Сосредоточенность Генри на эросе объясняется не стремлением к телесному наслаждению, но тоской по сопричастности бытию, к которому приближает женщина, хотя соприкосновение с женщинами грозит утратой подлинного «я». Погружение в стихию эроса оборачивается меха-

ническим сексом, в котором можно приблизиться лишь к «отблеску» сверхреального.

Таким образом, ностальгия по родному национальному миру и утраченной жизни редуцирована или ослаблена в прозе младоэмигрантов, зато усилены переживание экзистенциального одиночества и метафизическая тоска по соединенности с другим и миру как целому. Осознание невозможности возвращения Домой и невозможности обретения нового Дома в бытии, где человек «заброшен» и неукоренен, приближает к экзистенциальному сознанию.

Список литературы

Бабичева Ю. В. «Ночные дороги» Гайто Газданова: проблема стиля и жанра // Дарьял. 2002. № 3. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml (дата обращения 25.08.2022).

Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html> (дата обращения 27.08.2022).

Войтехович Р. Борьба с ностальгией как поэтический прием в поздней лирике Марины Цветаевой // Studia Rossica Posnaniensia. 2019. № 44 (1). С. 63–72.

Газданов Г. И. История одного путешествия // Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1: Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки. С. 163–290.

Газданов Г. И. Ночные дороги // Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 2: Роман. Рассказы. Документальная проза. С. 3–217.

Дёмин И. В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории // Вестник Самар. гуманитар. академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1 (11). С. 16–25.

Земсков В. Б. Экстерриториальность как фактор творческого сознания (варианты: русский, западноевропейский, восточноевропейский, американский и латиноамериканский) // Земсков В. Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. С. 285–292.

Иванов А. Прогрессивная ностальгия? // Художественный журнал. 2007. № 65–66. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/432> (дата обращения 27.08.2022).

Миллер Г. Книги в моей жизни. Эссе. М.: Б.С.Г.-Пресс, НФ «Пушкинская библиотека», 2001. 540 с.

Миллер Г. Тропик Рака // Миллер Г. Тропик Рака. Черная весна: Романы. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 43–316.

Никулина Н. А. Ностальгический топос в творчестве писателей-эмигрантов: Мережковский и Бунин // Applied and fundamental studies Proceedings of the 12th International Academic Conference. Saint Louis: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2017. P. 130–137.

Поплавский Б. Ю. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 2009. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес. Романы. 464 с.

Проскурина Е.Н. Повествовательное пространство прозы Ю. Фельзена // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции: Коллективная монография / Отв. ред. М. А. Хатямова. Томск, 2014. С. 279–294.

Ремарк Э. М. Тени в раю // Ремарк Э. М. Тени в раю. Возвращение. Романы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 5–364.

Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: НЛЮ, 2017. 222 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Суханов В. А. Ностальгия и идентичность – лента Мебиуса // Ностальгия по советскому / Отв. ред. З. И. Резанова. Томск, 2011. С. 17–22.

Сухих И. Н. Клэр, Машенька, ностальгия // Звезда. 2003. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/4/klер-mashenka-nostalgiya.html> (дата обращения 27.08.2022).

Фельзен Ю. Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. 283 с.; Т. 2. 324 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Чикишева А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. / Отв. ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 267–277.

Яновский В. С. Любовь вторая: Избранная проза. М.: НЛЮ, 2014. С. 51–144.

Яновский В. С. Мир. Берлин: Парабола, 1931. 290 с.

References

Babicheva Yu. V. “Nochnye dorogi” Gajto Gazdanova: problema stilya i zhanra [“Night roads” by Gaito Gazdanov: the problem of style and genre]. *Dar’yal*. 2002, no. 3. URL: http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml (accessed: 25.08.2022).

Boym S. Budushchee nostalgii [The future of nostalgia]. *Neprikosnovenny zapas*. 2013, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushchee-nostalgii.html> (accessed: 27.08.2022).

Chikisheva A. S. Fenomen nostalgii v postsovetsoy massovoy kul’ture [Phenomenon of nostalgia in post-Soviet mass culture]. In: *Fundamental’nye problemy kul’turologii: Sb. st.* [Fundamental problems of cultural studies: Coll. art.]. Moscow, Novyy khronograf, Eydos, 2009, vol. 6: Kul’turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu [Cultural heritage: From the past to the future], pp. 267–277.

Demin I. V. Fenomen nostalgii v gorizonte postmetafizicheskoy filosofii istorii [The phenomenon of nostalgia in the horizon of post-metaphysical philosophy of history]. *Vestnik Samar. gumanit. akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 2012, no. 1 (11), pp. 16–25.

Fel’zen Yu. *Sobr. soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Moscow, Vodoley, 2012, vol. 1, 283p.; vol. 2, 324 p.

Gazdanov G. I. Istoriya odnogo puteshestviya [The history of one journey]. In: Gazdanov G. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 1: Romany. Rasskazy. Literaturno-kriticheskie esse. Retsenzii i zametki [Novels. Stories. Literary and critical essays. Reviews and notes], pp. 163–290.

Gazdanov G. I. Nochnye dorogi [Night roads]. In: Gazdanov G. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 2: Roman. Rasskazy. Dokumental’naya proza [Novel. Stories. Documentary prose], pp. 3–217.

Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 452 p.

Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki: Mir – Konechnost' – Odinochestvo* [Basic concepts of metaphysics: World – Finiteness – Loneliness]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2013, 592 p.

Ivanov A. Progressivnaya nostal'giya? [Progressive nostalgia?]. *Moscow Art Magazine*. 2007, no. 65–66. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/26/article/432> (accessed: 27.08.2022).

Miller G. *Knigi v moyey zhizni. Esse* [Books in my life. Essay]. Moscow, B.S.G.-Press, NF "Pushkinskaya biblioteka", 2001, 540 p.

Miller G. Tropik Raka [Tropic of Cancer]. In: Miller G. *Tropik Raka. Chernaya vesna: Romany* [Tropic of Cancer, Black spring: novels]. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2020, pp. 43–316.

Nikulina N. A. Nostal'gicheskiy topos v tvorchestve pisateley-emigrantov: Merezhkovskiy i Bunin [Nostalgic topos in the works of émigré writers: Merezhkovsky and Bunin]. In: *Applied and fundamental studies Proceedings of the 12th International Academic Conference*. Saint-Louis, Publishing House Science and Innovation Center, Ltd. 2017, pp. 130–137.

Poplavskiy B. Yu. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Moscow, Soglasie, 2009, vol. 2: Apollon Bezobrazov. Domoy s nebes. Romany [Apollon Bezobrazov. Home from heaven. Novels], 464 p.

Proskurina E. N. Povestvovatel'noe prostranstvo prozy Yu. Fel'zena [The narrative space of Y. Felzen's prose]. In: *Zhanrovye i povestvovatel'nye strategii v literature russkoy emigratsii: Kollektivnaya monografiya* [Genre and narrative strategies in the literature of the Russian emigration]. M. A. Khatyamova (Ed. in Ch.). Tomsk, 2014, pp. 279–294.

Remarque E. M. Teni v rayu [Shadows in Paradise]. In: Remark E. M. *Teni v rayu. Vozvrashchenie. Romany* [Shadows in Paradise. Return. Novels]. Barnaul, Alt. kn. izd. 1989, pp. 5–364.

Rubins M. *Russkiy Monparnas. Parizhskaya proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse. Parisian prose of the 1920s–1930s in the context of transnational modernism]. Moscow, NLO, 2017, 222 p.

Sartre Zh.-P. *Bytie i Nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing: An Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p.

Suhanov V. A. Nostal'giya i identichnost' – lenta Mebiusa [Nostalgia and Identity – Moebius Strip]. In: *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Z. I. Reznova (Ed. in Ch.). Tomsk, 2011, pp. 17–22.

Suhii I. N. Kler, Mashen'ka, nostal'giya [Claire, Mashenka, nostalgia]. *Zvezda*. 2003, no. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/4/kler-mashenka-nostalgiya.html> (accessed: 27.08.2022).

Voytekhovich R. Bor'ba s nostal'giey kak poeticheskiy priem v pozdney lirike Mariny Tsvetaevoy [Voitekhovich R. The struggle against nostalgia as a poetic device in the late lyrics of Marina Tsvetaeva]. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2019, no. 44 (1), pp. 63–72.

Yanovskiy V. S. *Lyubov' vtoraya: Izbrannaya proza* [Second love: Selected prose]. Moscow, NLO, 2014, pp. 51–144.

Yanovskiy V. S. *Mir* [World]. Berlin, Parabola, 1931, 290 p.

Zemskov V. B. Eksterritorial'nost' kak faktor tvorcheskogo soznaniya (varianty: russkiy, zapadnoevropeyskiy, vostochnoevropeyskiy, amerikanskiy i latinoamerikanskiy) [Extraterritoriality as a factor of creative consciousness (options: Russian, Western European, Eastern European, American and Latin American)]. In: Zemskov V. B.

Obraz Rossii v sovremennom mire i inye syuzhety [The image of Russia in the modern world and other subjects]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, Gnozis, 2015, pp. 285–292.

Информация об авторе

Иван Иванович Назаренко, аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Ivan I. Nazarenko, Postgraduate Student at the Department of the History of Russian Literature of the 20th – 21st centuries and literary creativity of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 14.09.2022;
одобрена после рецензирования 16.12.2022; принята к публикации 16.12.2022
The article was submitted on 14.09.2022;
approved after reviewing on 16.12.2022; accepted for publication on 16.12.2022*